

Цзян Чжо поднял Путеводный фонарь, освещая обе стороны, и увидел по обеим сторонам водного завода по огромной статуе. Из-за тусклого света фонаря он мог разглядеть лишь их ноги, которые идеально сливались со стенами — судя по всему, их высекли специально для того, чтобы охранять заводь.

Интересно.

Что касается высеченных из камня статуй, охраняющих духов, Цзян Чжо действительно кое-что об этом знал. Ходили слухи, что в первородную эпоху хаос породил два физических тела: одно было прародительницей всех духов Цзюму, а другое — бессмертным змеем Да-А. Разум Да-А был несовершенен, и он не мог контролировать собственную силу, пробив в хаосе дыру. Это привело к тому, что небесные воды хлынули обратно, чуть не смыв весь мир. Чтобы остановить небесные воды, Цзюму сошлась с Да-А в жестокой битве и голыми руками убила его. С тех пор плоть Да-А превратилась в горы и леса, а кости стали жилами шести провинций.

Но неизвестно с каких пор в мире возник клан и секта, поклонявшиеся Да-А, под названием Секта Пошо. Говорили, что клан Хугуй больше всего любил высекать гигантские статуи, промышлял изгнанием змей и укрощением духов и был наставником всех укротителей духов в Поднебесной. Позже, во время междоусобных войн в шести провинциях, их изгнала Королева Минъяо, рассеяв по всем краям и сильно подорвав их влияние, а двадцать лет назад Управление Тяньмин уничтожило их, и весь род сгинул.

Хотя Цзян Чжо был не понаслышке знаком с кланом Хугуй, он знал о них не так много — лишь то, что каждый глава клана Хугуй после смерти должен быть похоронен на одной из жил Да-А. Неужели он действительно по воле случая свалился прямо в гробницу Хугуй? Пока он размышлял об этом, из водной заводи вдруг донесся слабый всплеск, словно в ней что-то плыло.

— Бульк.

Вода, застывшая неизвестно сколько веков, медленно закрутилась, образуя водоворот. Постепенно воронка вращалась все быстрее и быстрее, и Цзян Чжо почувствовал сильное притяжение. Стоит заметить, что даже когда превратившийся в гигантского монстра книжник был здесь, тот не смог заставить Цзян Чжо качнуться ни на йоту, а сейчас его постепенно затягивало внутрь.

Широкие рукава Цзян Чжо взметнулись вперед, черные волосы запутались в пляске, а зажатый между пальцами бумажный человечек, едва успев взмыть в воздух, был схвачен им обратно. Затаив дыхание, он вступил в борьбу с этой силой притяжения — в стенах по обе стороны с глухими звуками сыпались мелкие камни, а те две гигантские статуи приподняли ноги и шагнули, неожиданно придя в движение!

Левая взревела: — Какая наглость!

Правая взвыла: — Здесь бесчинствовать!

Сказав это, они обе вскинули руки: одна сжимала меч, другая — топор, и со всей силой обрушили их на Цзян Чжо!

Цзян Чжо свистнул, резко взмахнув веером: — Отлично — Безупречный!

Безупречный был одним из стилей фехтования Секты Пошо. Если бы его использовал кто-то другой, то смог бы мечом отразить мириады врагов, но у Цзян Чжо не было меча, и его Безупречный являлся заклинанием, позволяющим лишь заимствовать чужой меч.

Впрочем, даже заимствуя, Цзян Чжо собирался сделать это блестяще. В этот миг за его спиной взметнулся объятый бушующим пламенем кармический меч. Поймав его прямо на лету, он как раз вовремя заблокировал и меч, и топор гигантских статуй.

Руки двух статуй замерли, и одна произнесла: — Кармическое Пламя Варахи!

А другая прокричала: — Карающая напасти!

Цзян Чжо улыбнулся: — Забавно, как забавно! Вы двое такие странные, почему вам обязательно нужно перебивать мои слова?

Кто бы мог подумать, что обе статуи издадут странные визгливые вопли, а их гнев резко возрастет. Первая закричала: — Больше всего на свете ненавижу!

Вторая подхватила: — Адептов Секты Пошо!

Затем они наконец завопили хором: — Смерть им!

Едва прозвучало это слово «смерть», как они надавили на оружие изо всех сил. Разве мог заемный меч Цзян Чжо выдержать это? Огненное пламя мгновенно рассеялось, и форма меча тут же исчезла.

Было неизвестно, на какую глубину под землю они спустились, а провала, ведущего наверх, не было. Если попытаться использовать Разрыв Шума, чтобы снова призвать небесную молнию, то, боюсь, молния еще не успела бы дойти, а Цзян Чжо уже разрубили бы пополам. К счастью, он владел бесчисленными заклинаниями, поэтому он вернул веер в вертикальное положение и уже собирался прочесть заклинание, как вдруг притяжение в заводи усилилось, буквально «втаскивая» его внутрь.

Беда никогда не приходит одна!

— Я... — Цзян Чжо одной ногой уперся в край водной заводи. — Исполнение Приказа!

Едва умолк его голос, как он уже переместился на несколько десятков шагов назад, вырвавшись из зоны притяжения заводи. Это было заклинание мгновенного перемещения, которым он обычно пользовался из лени, но кто бы мог подумать, что сейчас оно сослужит огромную службу. Меч и топор гигантских статуй рухнули туда, где он только что стоял, и в полу мгновенно образовалась глубокая трещина.

Обе статуи повернулись и «вытащили» свои тела из стен, вызвав дрожь земли. Снова подобрав меч и топор, они с грозным видом зашагали к Цзян Чжо.

Цзян Чжо произнес: — К чему столько гнева? Я просто заблудился...

Один из гигантов изрек: — Лживые речи!

Другой добавил: — Небеса покарают, земля уничтожит!

Цзян Чжо никак не ожидал, что однажды из-за того, что он заблудился, его постигнет небесная кара и уничтожение земель. Он лишь усмехнулся: — Какая несправедливость! Я всего лишь проходил мимо и заглянул поглазеть, а вы двое глупцов гонитесь за мной и пытаетесь убить. Почему же того книжника, который у вас над головой и людей ел, и зло творил, вы вовсе не трогали?

Одна статуя заявила: — Хватит болтать!

Другая хотела подхватить: — Дерзнул —

Его рот широко раскрылся, но из него не вылетело ни звука. Оказалось, что Цзян Чжо отвел руку за спину и заранее наложил на него заклинание безмолвия. Не имея возможности говорить, тот лишь вытаращил глаза и от злости затупал ногами.

Цзян Чжо подался вперед, крайне удивившись: — Неужели вам двоим обязательно нужно говорить по очереди?

Тот не мог произнести ни звука, а этот тоже закрыл рот. Цзян Чжо действительно угадал: им было положено говорить строго по очереди. Разве могли гигантские статуи стерпеть такое унижение? Не дожидаясь, пока Цзян Чжо начнет издеваться, они разом шагнули вперед, направляясь затоптать его.

Цзян Чжо только этого и ждал. Взмахнув рукавом, он подряд выкрикнул два заклинания: — Исполнение Приказа, Внезапное Погружение!

Едва ноги двух статуй коснулись земли, как почва под ними словно превратилась в бумагу и провалилась вниз. Их тела перекосило, и они дружно рухнули в образовавшийся провал.

Стоя на другой стороне и сняв безмолвие, Цзян Чжо услышал, как среди клубящихся облаков пыли одна статуя вопила «ва-ва-ва», а другая кричала «я-я-я». Спустя лишь мгновение над поверхностью земли торчали только их головы. И дело было вовсе не в том, что Цзян Чжо не хотел отправить их прочь — просто они были слишком огромными, и его заклинание Внезапное Погружение могло утянуть их лишь на такую глубину.

Статуи ни капли не смирились с поражением. Одна процедила: — Коварный!

Другая добавила: — Хитрый!

А затем они завопили хором: — Смерть ему, смерть ему!

Цзян Чжо неторопливо дошел до пространства между их головами и небрежно бросил: — Адепт Секты Пошо как раз собирается пойти и похулиганить.

Одна закричала: — Как ты смеешь!

Другая возразила: — Тебе нельзя!

Цзян Чжо нашел это занятным: — Смею, и очень даже могу. Впрочем, если вы расскажете мне, что находится в той водной заводи, я еще подумаю, стоит ли идти дальше.

Обе статуи переглянулись. Одна выдала: — Ни за что не расскажем!

Другая произнесла: — А можно и рассказать!

Между ними возникли разногласия, и они уставились друг на друга во все глаза.

Первая снова заявила: — У Старейшины приказ!

Вторая ответила: — Не смей мешать!

Цзян Чжо протянул: — О, так внутри находится Старейшина вашего клана Хугуй.

Они запаниковали и, забыв про очередность, наперебой закричали: — Не гадай тут!

— Чушь собачья!

Цзян Чжо задумался: — Интересно получается: под Рекой Черной Змеи находится Храм Миньгуна, под Храмом Миньгуна — Пещера Ученого, а под Пещерой Ученого — гробница Хугуй. Вы

тут слоями друг на друге...

Обе статуи внезапно умолкли, их челюсти застучали, издавая звякающие звуки дрожи, словно нечто внушало им смертный ужас. Цзян Чжо растерянно моргнул. Заметив, что они таращатся куда-то ему за спину, он вдруг почувствовал свист резкого ветра, и мощная сила притяжения рывком подбросила его в воздух.

Слух резал непрерывный змеиный шипящий звук. Та водная заводь... да какая это была заводь? На самом деле это был огромный змеиный пруд! Бесчисленные черные змеи, подобные тусклым чернильным нитям, хлынули наружу, холодно сверкая чешуей в свете Путеводного фонаря, и сплошной, теснящейся массой зазмеились повсюду.

Исполнение Приказа!

Однако заклинание неожиданно не сработало. Ужасающая, пугающая сила, державшая Цзян Чжо, повлекла его прямо к змеиному пруду. В панике сидевший на сгибе большого пальца Цзян Чжо маленький бумажный человечек вырвался на свободу и, подхваченный ветром, взмыл ввысь. Кружась в воздухе, он опустился прямо на глаза Цзян Чжо.

Бум!

Сила притяжения мгновенно исчезла, стаи змей разбежались во все стороны, и только Цзян Чжо продолжал висеть в полувоздухе. Теперь он был твердо уверен: это ему не мерещилось. Та обжигающая жгучая боль появилась снова, причем куда сильнее, чем когда опустился свадебный паланкин, — потому что невидимый человек держал его на руках, прижимая к груди.

От автора:

Спасибо за чтение.

Гробница Старейшины

Цзян Чжо дожил до этих лет, но его еще никто и никогда не носил на руках, прижимая к груди, поэтому он добрую половину дня прибывал в полном ступоре. Однако эта жгучая боль, подобно въевшейся в кости хвори, немедленно проникла в плоть и костный мозг, неся с собой угрозу сжечь человека дотла!

— Братец-бумажный человечек, — Цзян Чжо двумя пальцами зажал примостившегося на его глазах бумажного человечка, — от тебя так жарко... Горячо.

Собеседник внезапно разжал пальцы, Цзян Чжо опустился на землю, и ощущение жжогу тут же пропало. Сняв бумажного человечка, он повернулся полукругом в ту сторону, где тот

находился, — но там ничего не было. Поразмыслив немного, он обратился к пустому пространству: — Большое спасибо, но, прошу прощения за прямоту, не потому ли ты столь жесток и мрачен, что не можешь явиться в истинном обличье?

Собеседник, казалось, снова исчез, зато бумажный человечек меж пальцев Цзян Чжо поднес руки к лицу и снова «смотрел» на него. Цзян Чжо приподнял бумажного человечка за шкирку: — Это ты — это он, а он — это ты, верно?

Бумажный человечек некоторое время притворялся дурачком, но, не выдержав непрерывного взгляда Цзян Чжо, был вынужден медленно кивнуть, признавая, что только что держал его именно он.

Цзян Чжо заметил: — Ваш клан и впрямь весьма своеобразен.

Если уж рассуждать о жестокости и зле, то в мире не сыскать никого страшнее злого божества Тайцина. Говорили, что до того, как Тайцин был запечатан, Огонь Разлуки Новолуния сжигал землю дотла, и все, к чему прикасался Тайцин, обращлось в пепел, и даже божества не избегали этой участи. Поэтому Тайцина часто называли Богом Пепла и Бедствий — богом, к которому нельзя прикоснуться, на которого нельзя смотреть и которого нельзя почитать. Вследствие этого зловещие отбросы, следовавшие за угасающим ветром Тайцина, в той или иной степени страдали странными причудами: кто-то не выносил появляться на людях, кто-то пренебрегал развитием плоти — короче говоря, они отличались самыми причудливыми странностями.

То, что этот человек любил вселяться в бумажного человечка, не было чем-то из ряда вон выходящим. Подумав об этом, Цзян Чжо сказал: — То, что мы встретились с тобой нынче ночью здесь, можно назвать разделенными бедами товарищами по несчастью.

Товарищ по несчастью, судя по всему, вовсе не горел желанием вести беседы. Цзян Чжо не стал донимать его, а лишь усадил бумажного человечка себе на плечо, чтобы тот не паялился на него без конца, а тоже поглядел на дорогу впереди.

После недавнего переполоха две гигантские статуи давно окаменели: одна с разинутым ртом, другая с опущенными брови — обе застыли с крайне перепуганными выражениями лиц. Цзян Чжо подошел к краю заводи: черные змеи внутри тоже исчезли, а на внутренней стороне устья заводи полукругом стояли на коленях человеческие скелеты со связанными руками и опущенными головами, словно их принесли в жертву на корм змеям. Прямо посередине возвышалось святилище, в котором почиталась каменная двухглавая черная змея, свернувшаяся кольцами.

Это и была статуя Да-А, которой поклонялся клан Хугуй. Вырезанная невероятно живо, с поразительно детализированным узором чешуи, она имела змеиные глаза, инкрустированные драгоценными камнями четырех цветов: золотого, синего, красного и зеленого. Когда Цзян Чжо встретился с ними взглядом, казалось, что в них теплится жизнь.

Цзян Чжо спрыгнул в заводь и зашел за спину статуи Да-А. Как он и ожидал, там обнаружился скелет, завернутый в черную ткань и сжимающий в объятиях золотой посох с змеиной головой. Он догадался, что безобразничал как раз этот малый. Подумав немного, он спросил бумажного человечка: — У тебя есть способ заставить его подняться и поговорить?

Бумажный человечек молча подпер лицо руками. Цзян Чжо как раз собирался уговорить его еще немного, как раздался ряд щелкающих звуков — треск, треск, треск! — и тот окутанный черной тканью скелет шатаясь поднялся на ноги.

Цзян Чжо подумал про себя: вот это чертовщина, тут и заклинаний читать не нужно, а уже можно творить чудеса!

Окутанный черной тканью скелет поклонился Цзян Чжо и хриплым голосом спросил: — Младший друг, зачем ты звал меня?

Цзян Чжо ответил: — Я тут заблудился. Осмелюсь спросить, почтенный, что это за место?

Скелет в черной ткани откликнулся: — Это место — моя усыпальница.

Цзян Чжо вспомнил слова гигантских статуй — это и вправду оказалась гробница старейшины Хугуй. Он произнес: — Но мне кажется, что это место вовсе не жила Да-А, почтенный. Почему же вы похоронены здесь?

Скелет в черной ткани ответил: — Управление Тяньмин не только уничтожило весь мой клан, но и решило разрыть могилы наших предков. Мы, сохранив жалкие жизни, бежали сюда именно для того, чтобы скрыться от преследования Управления Тяньмин.

Цзян Чжо знал лишь об истреблении клана Хугуй, но не подозревал, что Управление Тяньмин дошло даже до того, что разрыло могилы их сородичей. Он продолжил расспросы: — Какая же у вас вообще была вражда и ненависть с Управлением Тяньмин?

Скелет в черной ткани пояснил: — Начнем с божественного откровения моего клана Хугуй. Обладающий духовной силой Да-А некогда даровал благословение нашему роду Хугуй, благодаря чему каждые сто пятьдесят лет в нем рождалась святая пророчица. Много лет назад святая предсказала, что в первый год Юаньбао Великий Император Сюаньфу из Управления Тяньмин пройдет тысячеликий путь, чтобы прибыть в наши земли и испросить предсказание о жизни и смерти. И какое бы ни было это предсказание — хорошее или дурное, оно навлечет на наш клан смертельную беду. С тех пор святая вела сородичей скитаться повсюду, прячась от мира.

К сожалению, против воли небес не погрешь. В первый год Юаньбао Великий Император Сюаньфу прибыл точно в срок, прося святую предсказать ему жизнь и смерть... После предсказания Великий Император Сюаньфу, как и предвещала святая, перебил всех моих сородичей до единого. Той ночью реки крови текли повсюду, а трупы устилали поля. Я

лишился обеих ног и вылез из горы трупов, где пировали призраки и демоны...

Весь скелет затрясся, а руки крепко вцепились в золотой змеиный посох: — Как я ненавижу, как я ненавижу, как же я ненавижу!

Этот голос долго эхом разносился по заводи, ранив сердце. Скелет в черной ткани резко поднял голову, обнажая пустые черные глазницы, и уставился на Цзян Чжо: — Я хотел отомстить и смыть обиду, поэтому отправился в Землю Захоронения Богов и добыл оттуда глину, пропитанную аурой злого божества. Здесь я вырыл пещеры и прорубил ходы, принес в жертву двенадцать оставшихся в живых сородичей Хугуй, включая меня самого, в попытке призвать сошествие Тайцина.

Земля Захоронения Богов была местом, где запечатан Тайцин. Там дежурило множество экспертов из Управления Тяньмин, и поговаривали, что Великий Император Сюаньфу тоже часто патрулировал те края. Потерявший ноги человек, потерпевший крах, должно быть, прошел через невероятные трудности и рискнул жизнью, чтобы заполучить эту глину, пропитанную аурой Тайцина.

Однако Цзян Чжо слышал, что Тайцин никогда не благоволил ко всем живым существам и тем более не откликался ни на какие мольбы. Вся возносимая ему дань привлекала лишь беды, поэтому среди запретов, связанных с ним, существовало изречение: Нельзя почитать.

И действительно, скелет в черной ткани промолвил: — Тайцин не ответил мне. Я полагаю, это потому, что подношений было недостаточно...

— Погодите-ка, — Цзян Чжо уловил суть. — Тот книжник наверху, уж не вас ли он был одурачен?

Скелет в черной ткани бормотал что-то себе под нос и ничего не ответил. Все его кости задрожали, словно у марионетки с оборванными нитями, и с глухим стуком он рухнул обратно за святилище, вновь обратившись в груды костей.

Теперь Цзян Чжо всё понял: это бесчинствовал старейшина Хугуй, который с помощью глины Тайцина обманул книжника, позволив тому под именем Минь-гуна бесчинствовать в горах и без разбору пожирать людей.

— Ты-то покончил со всем разом, — вздохнул Цзян Чжо, — а из-за тебя столько семей в горах осиротели, лишились родных и разрушили свои дома.

Обойдя статую Да-А спереди, он заметил под святилищем наполовину присыпанную костяную шкатулку. Открыв ее, он обнаружил внутри немного высохшей земли — книжник ее так и не доел. Цзян Чжо зачерпнул щепотку и легко растер между подушечками пальцев: ничего особенного. Он пробормотал про себя: — Что в этой грязи такого мощного? Неужели ее и вправду надо сожрать, чтобы понять?

Маленький бумажный человечек склонил голову набок, разглядывая Цзян Чжо, словно его поразило это высказывание.

Цзян Чжо расхохотался: — Не бойся, я не собираюсь ее есть, лучше унесу с собой, чтобы Учитель взглянул.

С этими словами он плотно закрыл костяную шкатулку и выбрался из глубокой заводи. Возвращаясь обратно, он прошел мимо двух гигантских статуй и окликнул каждую по очереди, но те как ни в чем не бывало не подавали признаков жизни. Цзян Чжо взмахнул складным веером и забормотал заклинание: — Кармическое пламя, кармическое пламя, кармическое пламя, сожги-ка их дотла.

Раздались два вопля: ва-ва-ва и я-я-я. Обе статуи зашевелились, больше не притворяясь.

Левая завопила: — Какой зловещий!

Правая взвыла: — До чего коварный!

Цзян Чжо сломал веер, заложил руки за спину и изрек: — Если бы я вас не испугал, как бы узнал, где правда, а где ложь? Вот вы и прокололись.

Обе статуи были в полном недоумении. Не ведая, что их старейшина давно сыграл в ящик, они думали лишь о том, как бы побыстрее спровадить этого творящего бесчинства юного господина.

Одна выдала: — Объявляем перемирие!

Другая поддакнула: — Проваливай скорее!

Цзян Чжо сделал вид, что глубоко задумался: — Не то чтобы мне не хотелось уйти, просто здесь кругом непроглядная тьма, а дороги такие извилистые...

Одна изумилась: — Адепт Секты Пошо!

Другая испугалась: — И вдруг не знает дороги!

Переглянувшись, они в один голос закричали: — До чего смешно! Ха-ха, ха-ха!

Цзян Чжо решительно уселся прямо на землю и с улыбкой произнес: — Чем громче и веселее вы будете смеяться, тем дольше я просижу здесь, составлю вам компанию, поговорю с вами, развею скуку и понаблюдаю, как вы тут потешаетесь.

Рты обеих статуй широко раскрылись, но смех тут же стих. Увидев, что Цзян Чжо, похоже, и впрямь не собирается уходить, они вновь скорбили лицами.

Одна проговорила: — Иди сто шагов вперед!

Другая добавила: — Там скрыт механизм!

А затем они принялись хором уговаривать его: — Уходи же! Уходи!

Цзян Чжо неторопливо поднялся: — Если я уйду, кто составит вам компанию для беседы?

Одна пискнула: — Здесь так уединенно!

Другая подхватила: — Шуметь запрещено!

И снова затянули хором: — Убирайся скорее! Убирайся!

Только после этого Цзян Чжо зашагал вперед, погружаясь в темноту под взглядами полных надежды гигантских статуй. Не прошло и мгновения, как он снова вышел с другой стороны. Он увидел статуи, а статуи увидели его — обе стороны так и замерли на прежних местах.

Одна взвизгнула: — Да я повстречал призрака!

Другая закричала: — Как это ты снова здесь!

Цзян Чжо растерянно посмотрел наверх: — Я ведь и сам не хотел.

И впрямь чертовщина какая-то! Он ведь отчетливо шел вперед, отсчитал ровно сто шагов — ни больше ни меньше — и вернулся на то же самое место. Неужели он разучился ходить даже на сто шагов, не нарезая круги?

Одна проблеяла: — Слыханное ли дело!

Другая подхватила: — Виданное ли горе!

И они снова зашлись в раскатистом смехе: — Ха-ха, ха-ха!

Взгляд Цзян Чжо скользнул вбок и упал на его собственное плечо. Маленький бумажный человечек послушно сидел там, всё так же подперев щеку рукой, и, заметив, что Цзян Чжо смотрит на него, даже не думал отворачиваться — он упорно продолжал «пялиться» на него.

Цзян Чжо осведомился: — Братец, это ты мне путь указываешь?

Бумажный человечек промолчал. Вместо этого он повернул голову, устремив взгляд в потолок, и принял вид человека, которого это совершенно не касается.

От автора:

Спасибо за чтение.

День рассеяния

Цзян Чжо успокоился, подумав про себя: я так и знал: хоть я и не силен в ориентировании, но не до такой же степени сошел с ума, чтобы не суметь пройти и ста шагов!

Ему стало смешно: — Я впервые здесь, и то, что я не могу найти дорогу — это в порядке вещей. Но ты ведь запечатан в этом месте, почему же ты тоже не можешь разобраться в дороге?

Бумажный человечек сменил позу, подперев лицо уже иначе, и в этом движении сквозила такая невыразимая лень, словно этот вопрос требовал огромных умственных затрат.

Цзян Чжо произнес: — Теперь я пройду этот путь заново, и ты уж постарайся мне не мешать.

Сказав это, он повернулся и зашагал в темноту, мысленно продолжая отсчитывать шаги. Когда он дошел до отметки в семьдесят шагов, дорогу ему снова преградила каменная стена.

Цзян Чжо не поверил в подобные фокусы и сначала пошел налево — уперся в стену, затем свернул направо — и снова уперся в стену! Тут уж и он опечалился, бормоча под нос: — До чего странно. Неужели после того, как я покинул гору Бэйлу, моя привычка заблудиться только усугубилась?

В разгар терзаний сверху вдруг посыпалась пыль и мелкие каменные крошки. Взяв Путеводный фонарь, Цзян Чжо поднял голову и увидел, что прямо над ним зависла огромная змеиная голова. Кто-то другой на его месте, возможно, от испуга отступил бы на полшага назад, но Цзян Чжо вовсе не испугался, а лишь внезапно всё понял: — Так это ты загораживаешь мне дорогу!

«Стена», окружившая его со всех сторон, была ничем иной, как Минь-гуном. Минь-гун тоже свалился с алтаря, и неизвестно, сколько времени он здесь извивался, не издав при этом ни звука. Раньше ему мешал книжник, и Цзян Чжо не успел рассмотреть божество как следует, но теперь, оказавшись так близко, он наконец заметил всю его жалость: оказывается, оба глазных яблока Минь-гуна были вырваны чьей-то рукой! Мало того, на месте его глаз красовалось по вырезанному иероглифу «Задержан».

<http://bllate.org/book/19195/1885289>